

Революционный терроризм в Российской империи: историография последних лет (2000–2015)

Олег Будницкий

Revolutionary terrorism in the Russian Empire: recent historiography (2000–2015)

*Oleg Budnitskii (National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia)*

За последние полтора десятилетия о терроризме написано больше, чем за предшествующее столетие. Только в 2007 г. и только в основных мировых научных журналах на эту тему было опубликовано более 2 300 статей; по подсчётам одного историка, новая книга о терроризме выходила в свет приблизительно каждые шесть часов. Разумеется, львиная доля работ посвящена современному терроризму, периоду же до 1960 г. — менее 4% общего числа¹.

Замечу, однако, что авторы, производившие эти подсчёты, вряд ли учитывали публикации на русском языке. Если обратиться к Российскому индексу научного цитирования, который, как известно, охватывает далеко не все работы, то результат запроса на слово «терроризм» оказывается более чем внушительным — 76 655 наименований на 2 октября 2016 г. Запрос на слово «террор» даёт на ту же дату 28 855 наименований. При более специфических запросах, например на словосочетания «революционный террор» и «революционный терроризм», получаем 9 937 и 7 335 наименований соответственно². У меня нет точных данных о том, какую долю среди публикаций о терроризме, вышедших за последние полтора десятилетия на русском и других языках, занимают работы о терроризме в России во второй половине XIX — начале XX в. Очевидно, что не слишком значительную по отношению к их общему числу. Однако и без специального библиографического исследования, «невооружённым глазом» видно, что в абсолютных цифрах речь идёт по меньшей мере о сотнях публикаций, т.е. о «взрывном» росте интереса к этой проблеме.

В настоящей статье я попытаюсь дать краткий обзор исследований по истории революционного терроризма в России, увидевших свет за полтора десятилетия. Обзор ни в коей мере не претендует на то, чтобы быть исчерпывающим: только перечень публикаций, где в той или иной степени затрагивается эта тема, занял бы десятки страниц. Поэтому я пишу только о тех работах, которые представляются мне важными или характерными. Сначала речь пойдёт о работах, затрагивающих

© 2017 г. О.В. Будницкий

Исследование финансировалось в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

¹ *Hilbrenner A., Schenk F.B.* Modern Times? Terrorism in Late Tsarist Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge*. Bd. 58. 2010. № 2. P. 161; *Ranstorp M.* Mapping Terrorism Studies after 9/11: An Academic Field of Old Problems and New Prospects // *Critical Terrorism Studies: A New Research Agenda* / Ed. by R. Jackson, J. Gunning and M.B. Smyth. Abingdon, 2009. P. 17.

² URL: <http://elibrary.ru>

общие проблемы истории терроризма, затем — о посвящённых радикальному движению 1860-х гг., далее — хронологически до начала XX в.

Историки, социологи, политологи по-прежнему пытаются выработать универсальное определение терроризма, хотя едва ли не каждая статья на эту тему начинается с утверждения, что сделать это невозможно³. Одна из наиболее толковых попыток систематизировать существующие дефиниции и предложить своё определение революционного терроризма была предпринята американским социологом Дж. Гудвином. В статье «Теория категориального терроризма» он трактует революционный терроризм как «стратегическое использование насилия или угрозы применения насилия против гражданских лиц или некомбатантов⁴ революционным движением, обычно рассчитанное на оказание воздействия на несколько общественных групп». Под революционным движением Гудвин понимает «любую организацию или сеть и их сторонников, стремящихся изменить существующий политический и в некоторых случаях социально-экономический порядок более или менее фундаментальным образом»⁵.

Во многом сходные дефиниции терроризма давались и ранее⁶, но Гудвину удалось предложить, возможно, наиболее чёткую и ёмкую на настоящий момент формулировку. Однако следует иметь в виду, что определение американского учёного относится к революционному терроризму второй половины XX в., которому посвящены его основные работы⁷, и применять его формулу без оговорок к истории российского революционного движения второй половины XIX — начала XX в., как это иногда делается⁸, вряд ли возможно. Скажем, одними из первых объектов покушений русских революционеров были тайные агенты или служащие полиции; относятся ли они к «некомбатантам»? Военнослужащие, участвовавшие в подавлении крестьянских волнений или вооружённых восстаний в городах, в том числе в бессудных расстрелах: являются ли они комбатантами только в период участия в карательных акциях или «умиротворении» (терминология здесь определяется во многом политическими пристрастиями), а после их завершения, в случае террористической атаки, уже должны рассматриваться как некомбатанты? В общем высказывание о том, что один и тот же человек для кого-то является террористом, а для кого-то — борцом за свободу, можно «перелицевать»: признание одного и того же лица комбатантом или некомбатантом также зависит от точки зрения.

Американский историк Мартин Миллер в монографии «Основы современного терроризма: государство, общество и динамика политического насилия» попытался взглянуть на феномен терроризма «в исторической перспективе». Перспектива, надо сказать, довольно внушительная: Миллер начинает с библейских времён и заканчивает современными США, Латинской Америкой

³ О попытках выработать определение революционного терроризма, так же как о некоторых чертах историографии терроризма конца XX в., см.: Будницкий О. В. Терроризм глазами историка. Идеология терроризма // Вопросы философии. 2004. № 5. С. 3–19.

⁴ Под некомбатантами обычно понимаются военнослужащие, не принимающие непосредственного участия в боевых действиях.

⁵ Goodwin J. A Theory of Categorical Terrorism // Social Forces. Vol. 84. 2006. № 4. P. 2028.

⁶ См., например: Ganor B. «Defining Terrorism: Is one Man's Terrorist Another Man's Freedom Fighter?» // Media Asia — An Asian Mass Communication Quarterly. Vol. 29. 2002. № 3. P. 123–133.

⁷ Goodwin J. No Other Way Out. States and Revolutionary Movements, 1945–1991. Cambridge, 2001.

⁸ Van Ree E. Reluctant Terrorists? Transcaucasian Social-Democracy, 1901–1909 // Europe-Asia Studies. Vol. 60. January 2008. № 1. P. 128.

и Африкой. Миллер выделяет три характерные черты терроризма: 1) повторяющиеся акты насилия, создающие атмосферу страха, незащищённости и подозрительности в гражданском обществе; 2) динамическое взаимодействие между группами или индивидуумами как во власти, так и в обществе, выбирающими терроризм в качестве средства достижения специфических политических целей; 3) терроризм — это ответ на борьбу против законной власти в пределах национального государства в период политической нестабильности⁹.

Нетрудно заметить, что Миллер пытается дать дефиницию одновременно терроризму «снизу» и террору «сверху». Термин «террор» применяется им не только к попыткам подорвать существующие политические системы, но и к экстремально насильственным режимам вроде сталинского, гитлеровского, полпотовского в Камбодже, Иди Амина в Уганде или маоистского в период культурной революции в Китае. Миллер попытался создать «единый нарратив», объединяющий описание и анализ насилия со стороны правительств и революционеров. С его точки зрения, это позволит понять терроризм в его «широчайшей исторической репрезентации»¹⁰.

На мой взгляд, такой подход (в котором на самом деле немного нового) привёл к размыванию специфики революционного терроризма и соединению вещей, имеющих между собой мало общего. Не вдаваясь в анализ частей монографии Миллера, посвящённых другим странам и периодам, остановимся на главе «Революционный и царский терроризмы в России XIX в.». Она является одной из самых больших в книге, что не удивительно, ибо автор известен работами по истории русского революционного движения, в особенности анархизма (в числе его трудов, в частности, биография П.А. Кропоткина¹¹).

В главе довольно наглядно проявились слабости избранного Миллером подхода. Он совершает экскурс в ранние периоды русской истории, упоминая опричный террор Ивана Грозного, насилия, осуществлявшиеся участниками крестьянских восстаний, деятельность тайной канцелярии петровского времени. Основная часть главы посвящена изложению воззрений на террор и деятельности русских революционеров и в то же время — деятельности политической полиции (в том числе истории полицейской провокации), которую Миллер также относит к терроризму. Текст сводится к довольно «рваному» описанию событий преимущественно второй половины XIX в., в результате, на мой взгляд, достичь нового качества в понимании природы и истории терроризма автору не удаётся.

К сожалению, текст изобилует мелкими (а иногда и не слишком мелкими) фактическими ошибками. Так, труп студента И. Иванова, убитого нечаевцами, был обнаружен не в общежитии, а в пруду, куда его опустили заговорщики, и найден он был не в день убийства, т.е. 21 ноября 1869 г., а 25 ноября. Вера Засулич не была студенткой. Покушения на шефа жандармов генерала А.Р. Дренгельна в марте 1879 г. и Александра II 2 апреля 1879 г. не были делом рук народовольцев, потому что «Народной воли» ещё не существовало. Взрыв в Зимнем дворце был произведён С.Н. Халтуриным 5, а не 4 февраля 1880 г. «Священная дружина» была распущена, а не преобразована в Заграничную агентуру Департамента полиции. Г.П. Судейкин не мог возглавлять в 1882 г. III Отделение,

⁹ *Miller M.A. The Foundations of Modern Terrorism: State, Society and the Dynamics of Political Violence. N.Y., 2013. P. 1.*

¹⁰ *Ibid. P. 1–2.*

¹¹ *Miller M.A. Kropotkin. Chicago, 1976.*

поскольку оно было упразднено в 1880 г. В.К. Плеве был назначен директором Департамента полиции не в 1883 г., после убийства Судейкина, а двумя годами ранее. Родители Веры Фигнер – штабс-капитан Николай Александрович Фигнер и Екатерина Христофоровна Куприянова – не были «еврейского происхождения». Её приход в революционное движение никак не связан с её национальной принадлежностью или вероисповеданием. Союз русского народа не мог получать субсидии от председателя Совета министров П.А. Столыпина вопреки возражениям министра финансов С.Ю. Витте. Витте был уволен с поста министра финансов в 1903 г., а Союз русского народа возник в 1905 г. Неточности и ошибки можно было бы отнести к несущественным, но их количество заставляет задуматься о тщательности проработки автором фактического материала, на основе которого он строит свои умозаключения.

Ранним стадиям истории терроризма в России посвящены монографии Екатерины Щербаковой и Клаудии Верховен. Небольшая книга Щербаковой «Отщепенцы». Путь к терроризму (60–80-е годы XIX века) посвящена преимущественно «шестидесятникам». Автор ставит задачу: понять, «что это были за люди, чем они жили, что привело их к революции и террору»¹². В попытках понять своих героев Щербакова в значительной степени опирается на судебно-следственные материалы, отчёты III Отделения, включая «нравственно-политические обозрения состояния империи»¹³. На мой взгляд, автор склонна чрезмерно полагаться на мнения чиновников; среди них были весьма неглупые люди, но относиться к источникам полицейского происхождения нужно с не меньшей осторожностью, чем к мемуарам «пламенных революционеров». По словам автора, книга написана в русле микроистории. В ней много сочных цитат и ярких зарисовок повседневной жизни русских нигилистов.

Людьми российские радикалы, судя по «документальному повествованию», как сама Щербакова определяет жанр своего исследования¹⁴, были не слишком симпатичными. На путь терроризма их толкало, по мнению автора, «именно повседневное существование, вернее, его несоответствие некоему идеалу». Отсюда – попытки перестроить реальную жизнь в соответствии со своим «идеальным проектом», причём подчинить ему «не только собственное существование». Спутниками «нового человека» 1860–1870-х гг. были «неудовлетворённость, нетерпение и нетерпимость». Впрочем, автор отдаёт должное и вкладу российского правительства в «воспитание» радикального меньшинства, называя его реакцию на деятельность разночинной интеллигенции «столь же неадекватной, сколь и недальновидной»¹⁵. «Чтобы попытаться – не ради осуждения или оправдания – понять героев этой книги, нужно, прежде всего, увидеть их людьми, т.е. увидеть их будни», – повторяет автор в заключении то же, о чём говорила во введении¹⁶. Какие-то черты «будничной» жизни русских нигилистов Щербаковой воспроизвести удалось. Я бы сказал, что исследование до некоторой степени способствует пониманию того, что они были за люди.

¹² Щербакова Е.И. «Отщепенцы». Путь к терроризму (60–80-е годы XIX века). М., 2008. С. 14.

¹³ Е.И. Щербакова отлично ориентируется в источниках такого рода. Ею совместно с коллегами подготовлен ценный сборник: Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.): Сборник документов / Сост. Е.И. Щербакова, В.И. Кочанов, Н.Н. Парфёнова, М.В. Сидорова. М., 2001. См. мою рецензию на эту книгу: Отечественная история. 2006. № 4. С. 189–191.

¹⁴ Щербакова Е.И. «Отщепенцы»... С. 147.

¹⁵ Там же. С. 154, 111.

¹⁶ Там же. С. 153.

Почти одновременно с монографией Щербаковой К. Верховен выпустил книгу, озаглавленную «Чудак Каракозов: имперская Россия, модерність и рождение терроризма»¹⁷ — как бы биографию Каракозова. Употребляю оборот «как бы», поскольку Верховен, наряду с попыткой реконструкции и интерпретации биографии Каракозова как «нового человека», политического субъекта эпохи модерности, пытается показать, чем именно определялась модерність в России 1860-х гг. По мнению автора, Каракозов был воплощением нового: получил «нигилистическое» образование, по-революционному относился к религии, страдал «городскими» болезнями, лечился в соответствии с новейшими медицинскими методами. Да и всё вокруг было новым, современным: газеты, превращавшиеся из чтения для немногих в средства массовой информации, фотография, телеграф, железные дороги, пореформенный суд, что в совокупности делало появление терроризма возможным¹⁸. Исследование Верховен — своеобразная книга-конструктор: по собственным словам автора, её главы можно читать в любом порядке. Местами текст литературоцентричен — пестрит отсылками к Достоевскому.

Верховен хорошо демонстрирует на конкретных исторических примерах, в чём принципиальное отличие терроризма от других убийств или покушений на высокопоставленных особ. За год до покушения Каракозова Джон Бут застрелил президента США Авраама Линкольна; 30 апреля 1866 г. Фердинанд Блинд совершил покушение на главу правительства Пруссии Отто фон Бисмарка, стремясь предотвратить Австро-Прусскую войну. В одном случае это было традиционное «тираноубийство», в другом — попытка заставить власть изменить политику. Покушение Каракозова ни в коем случае не было попыткой подправить существующий порядок или «вступить в переговоры» с самодержавием, но уничтожить его. Разница между домодерным и современным цареубийством заключается в том, что целью первого является уничтожение царя, второго — царизма. «Терроризм, в отличие от цареубийства, стремится радикально переделать мир, именно это делает его революционным, то есть современным», — заключает Верховен¹⁹.

Эти положения трудно назвать оригинальными, на что, впрочем, не претендует и автор книги. Верховен пишет, что не предлагает собственную политическую теорию, а вносит скромный вклад в «написание новой истории терроризма».

¹⁷ Verhoeven C. The Odd Man Karakozov: Imperial Russia, Modernity, and the Birth of Terrorism. Ithaca, 2009. Название книги следует переводить как «Чудак Каракозов», а не «Странный человек Каракозов», как иногда встречается в литературе. «Чудак», разумеется, в «достоевском» смысле. Об этом недвусмысленно говорит эпиграф к книге, взятый из авторского предисловия к «Братьям Карамазовым»: «Ибо не только чудак “не всегда” частность и обособление, а напротив бывает так, что он-то пожалуй и носит в себе иной раз сердцевину целого, а остальные люди его эпохи — все, каким-нибудь напывным ветром, на время почему-то от него оторвались».

¹⁸ Verhoeven C. The Odd Man Karakozov... P. 6, 174. Разумеется, приведённый перечень бросавшихся в глаза «элементов» модерности ни в коей мере не исчерпывает сущности этого, впрочем, не слишком определённого, понятия. Об особенностях российской модерности см.: Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices / Ed. by Y. Kotsonis and D.L. Hoffmann. N.Y., 2000. См. также статью Майкла Дэвида-Фокса «Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная, переплетённая» и «10 ответов» на неё (К. Келли, М. Стейнберга, Т. Атнашева, К. Кобрин, Э. Байфорда, С. Ловелла, А. Эткинда, Д. Роджерса, Б. Гранта, А. Маркова): Новое литературное обозрение. 2016. № 4(140) (<http://www.nlobooks.ru/node/7425>; дата обращения: 01.02.2017). Эта дискуссия свидетельствует, среди прочего, что в понимании исследователями феномена российской модерности есть что угодно, кроме единства взглядов.

¹⁹ Verhoeven C. The Odd Man Karakozov... P. 176, 175.

Она «должна начинаться с утверждения, что терроризм — по меньшей мере в его классической, революционной форме — не просто стратегия, не средство достижения того или иного политического результата, но скорее парадигматический путь становления современного политического субъекта, и что его генезис может быть понят только на основе анализа вещественного контекста модерности»²⁰.

Верховен пишет об одежде, теле, психике Каракозова, пытаясь отыскать в них признаки модерности. Согласно её взгляду, именно покушение Каракозова вызвало к жизни новое отношение к пространству, что является важным элементом терроризма: обычное пространство начинает таить угрозу, ибо теперь как будто ниоткуда может появиться переодетый враг, совершить покушение и исчезнуть. Элементом маскировки Каракозова служил армяк, которому (а также содержимому его карманов) посвящена отдельная глава книги. Автор не скрывает, что использует гоголевский приём²¹. Перефразируя высказывание Эжена Вогюэ о «гоголевской шинели», можно было бы сказать, что, согласно К. Верховен, русский терроризм вышел из каракозовского армяка.

Наряду с разного рода теоретизированиями, книга Верховен содержит результаты архивных изысканий. Среди наиболее интересных — история болезни Каракозова²². Приведённые ею данные служат, на мой взгляд, дополнительным подтверждением его психической неадекватности, во всяком случае в период непосредственной подготовки и осуществления покушения (что, конечно, не отменяет воздействия на него радикальной риторики его ближайшего московского окружения).

Книга вызвала как восторженные отклики, так и, перефразируя выражение В.Б. Шкловского, «энергию раздражения»²³. Ана Сильджак усмотрела наиболее важный вклад Верховен в изучение истории терроризма в показе его неразрывной связи с модерностью. В то же время она удивляется (вполне обоснованно, на наш взгляд) тому, что Верховен не рассматривает отношения к покушению Каракозова революционеров-террористов 1870-х гг. А ведь для них Каракозов, безусловно, был образцом. Питер Позефски замечает, что Верховен игнорирует историографию русского народничества, в которой, собственно, всегда отмечалось значение покушения Каракозова, несмотря на эксцентричность террориста. Позефски перечисляет хорошо известные специалистам работы А. Глисона (Abbott Gleason), Ф. Помпера (Philip Pomper), А. Улама (Adam Ulam) и Ф. Вентури (Franco Venturi). Он оспаривает прокламируемую Верховен оригинальность Каракозова, касается ли это написанной им перед покушением листовки (десятки аналогичных текстов были сочинены русскими радикалами 1860-х гг.) или же его переодевания в простонародную одежду, стремления слиться с толпой, в отличие от других нигилистов, своей одеждой как раз выделявшихся. В качестве самого известного примера маскарада, подобного каракозовскому, Позефски приводит переодевания Д.И. Писарева²⁴. Наиболее резкой

²⁰ Ibid. P. 4.

²¹ Ibid. P. 175–176.

²² Ibid. P. 135–147.

²³ См., например: *Kimball A. Review of Verhoeven, Claudia, The Odd Man Karakozov: Imperial Russia, Modernity, and the Birth of Terrorism. H-Russia, H-Net Reviews. January, 2011.* Рецензию автор снабдил заголовком: *The Culture of Terrorism in Imperial Russia* (<http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=31483>; дата обращения: 01.02.2017); *Siljak A. Review of Verhoeven, Claudia, The Odd Man Karakozov: Imperial Russia, Modernity, and the Birth of Terrorism // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. Vol. 52. September–December 2010. № 3/4. P. 485–486.*

²⁴ *Pozefsky P.C. Review of Verhoeven, Claudia, The Odd Man Karakozov: Imperial Russia, Modernity, and the Birth of Terrorism // The Journal of Modern History. Vol. 83. December 2011. № 4. P. 970.*

и подробной критике исследование Верховен подвергла Марина Могильнер²⁵. Среди прочего, она отмечает зависимость книги Верховен от известной работы Ирины Паперно о Чернышевском²⁶, а также игнорирование исследований, посвящённых «интерпретации российской политической культуры, неотъемлемой частью которой начиная со второй половины XIX века стал терроризм»²⁷.

Аналізу произведения С.М. Степняка-Кравчинского, положившего начало мифологии «подпольной России» и, собственно, давшего этому феномену такое название, посвящена статья Линн Патык²⁸. Автор, следуя методологии Пьера Нора, полагает, что «Подпольная Россия» стала первым «местом памяти» терроризма, состоящим, в отличие от воплощённого в камне храма Спаса на Крови, воздвигнутого на месте убийства императора Александра II, из слов и образов. «Реализм Кравчинского, — заключает Патык, — на самом деле не реалистичен: (акты) насилия заменяются метафорами (дуэли, удары молнии), а жертвы именуются соперниками, могущественными или вызывающими возмущение»²⁹. Статья содержит отдельные интересные наблюдения, однако основные выводы оригинальностью не блещут. Патык, видимо, не подозревает о существовании вышедшей за 10 лет до публикации её статьи монографии М.Б. Могильнер «Мифология “подпольного человека”», в которой автор «Подпольной России» назван «основателем радикальной мифологии»³⁰. В книге прослежено влияние произведений Кравчинского на последующую литературу³¹. Могильнер приходит к вполне обоснованному выводу: «после Степняка художественное изображение революционера как человека, жертвующего своей жизнью на благо народа, “увенчанного терновым венцом”, стало каноном». От того, что Патык назвала «Подпольную Россию» «местом памяти», суть дела вряд ли изменилась.

Замечу по этому (далеко не единственному) поводу, что «параллельное» существование англо- и русскоязычной историографии ещё далеко не преодолено. В данном случае я выношу за скобки сугубо «технические» проблемы, вроде пребывания значительной части российских историков в «языковом гетто» и отсутствия в подавляющем большинстве российских университетов и библиотек доступа к электронным базам данных.

Проблема происхождения современного терроризма, связи его с модерностью, если угодно, терроризма как элемента модерности была одной из центральных в литературе последнего десятилетия. Собственно, дебаты на эту тему начались ещё в 1970–1980-е гг.³², но события рубежа XX–XXI вв. придали дискуссиям новый импульс и в значительной степени отразились на изучении терроризма в истории России. Сюзан Моррисси суммирует основные черты, которые, по мнению большинства историков, присущи современному терроризму: транснациональное

²⁵ Могильнер М. Рец. на: Claudia Verhoeven. The Odd Man Karakozov: Imperial Russia, Modernity, and the Birth of Terrorism // *Ab Imperio*. 2009. № 2. С. 367–380.

²⁶ Paperno I. Chernyshevsky and the Age of Realism: A Study in the Semiotics of Behavior. Stanford, CA, 1988.

²⁷ Могильнер М. Рец. на: Claudia Verhoeven... С. 368.

²⁸ Patyk L.E. Remembering «The Terrorism»: Sergei Stepniak-Kravchinskii's «Underground Russia» // *Slavic Review*. Vol. 68. 2009. № 4. P. 758–781.

²⁹ Ibid. P. 781.

³⁰ Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999. С. 8.

³¹ Там же. С. 41–45.

³² Morrissey S.K. Terrorism, Modernity, and the Question of Origin // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 12. 2011. № 1. P. 214, note 4.

перемещение людей и идей; признание террористической тактики современными идеологиями — анархизмом, социализмом, национализмом правого и левого толка; определённая социальная география (терроризм — явление городское); возникновение новых политических методов и институтов (включая государственное насилие и международное сотрудничество в «войнах» против экстремизма); новые роли массовой культуры и масс-медиа, использование современных технологий. Нетрудно заметить, что перечень включает признаки, характеризующие насилие «сверху», со стороны государства (или государств) и «снизу». Включение в список новых политических методов, применяемых государственной властью и международным сообществом в борьбе против терроризма, вероятно, объясняется тем, что автор считает их в отношении терроризма своеобразными маркерами модерности.

Проблеме связи терроризма и модерности был посвящён специальный номер журнала «*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*», редакторами которого выступили Фритьоф Бенджамин Шенк и Анке Хилбреннер. В номер вошли пять статей, предваряемые содержательным введением, написанным редакторами, включающим краткий обзор литературы, где затрагивалась история терроризма, начиная с 1920-х гг.³³ Говоря о современных тенденциях в историографии, Шенк и Хилбреннер отмечают существенное влияние «культурного поворота» на изучение истории терроризма в дореволюционной России. По их мнению, дело здесь не только в историографической моде, а в том, что предыдущие исследования, затрагивавшие генезис идеологии терроризма или социальную основу террористических движений, не сумели ответить на важнейшие вопросы. Например, почему приверженность определённым политическим идеологиям одних радикалов приводит к терроризму, а других — нет? Как объяснить, что обе волны терроризма в России, 1860—1870 гг. и после 1902 г., вовлекли людей из разных социальных классов и этнических групп? Насколько распространение политического насилия в XIX в. связано с техническими инновациями и в целом с социально-экономическим и культурным развитием эпохи? Было ли появление «модерного» террориста также индикатором развития современной личности (*modern «self»*)? Собственно, авторы специального номера журнала предприняли попытку «культурологического» подхода к истории политического терроризма в императорской России.

Правда, на мой взгляд, статья Салли Бонис о «шестёрке» эсеровских женщин-террористок (М. Спиридоновой, Р. Фиалке, Л. Езерской, А. Биценко, А. Измайлович, М. Школьник)³⁴ и «плотное описание» одного из самых громких терактов, осуществлённых анархистами-бездомовниками — взрыва в кафе Либмана в Одессе в декабре 1905 г., принадлежащее перу А. Хилбреннер³⁵, не слишком выходят за рамки «традиционной» историографии. В статье Б. Шенка рассматривается влияние постройки железных дорог на развитие и распространение терроризма в царской России и других странах³⁶. Автор считает технические инновации предпосылкой современного терроризма, особое внимание уделяя покушениям, осуществлявшимся на железнодорожных станциях или вблизи вокзалов. Среди

³³ Hilbrenner A., Schenk F.B. Op. cit. P. 161–171.

³⁴ Boniece S.A. The «Shesterka» of 1905–06: Terrorist Heroines of Revolutionary Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, Neue Folge. Bd. 58. 2010. № 2. P. 172–191.

³⁵ Hilbrenner A. Der Bombenanschlag auf das Café Libman in Odessa am 17. Dezember 1905: Terrorismus als Gewaltgeschichte // *Ibid.* P. 210–231.

³⁶ Schenk F.B. Attacking the Empire's Achilles Heels: Railroads and Terrorism in Tsarist Russia // *Ibid.* P. 232–253.

прочего он пытается выявить связь между первой и второй волнами терроризма. Верховен в статье, посвящённой взаимоотношениям террористов 1860–1880-х гг. со временем, оспаривает утвердившийся в историографии концепт, что терроризм есть выражение политического «нетерпения»³⁷. Сочтя концепт «нетерпения» упрощённым, если не сказать примитивным, она показывает, что отношение террористов к времени было более сложным, и в то же время пишет, что «Народная воля» пыталась ускорить ход истории. В чём тогда смысл борьбы с концептом «нетерпения»? Стремление «подтолкнуть историю» и было, собственно, вызвано нежеланием ждать результатов её «естественного» хода. Иными словами, нетерпением.

Наконец, Патык в статье, озаглавленной «Одетые убивать и умирать: русский революционный терроризм, гендер и одежда» пытается выяснить, существовали ли «дресс-код» террористок, подходящий для их практических и символических целей³⁸. Совершенно очевидно – и Патык сама на это ссылается, – что её статья вышла из каракозовского армяка. Точнее, из «армяка» Клаудии Верховен. Изучение истории одежды вполне оправданно, и «перемена платья» при определённых обстоятельствах может служить индикатором попыток разрушить границы социальной иерархии. Однако одежда женщин-террористок была сугубо функциональна (под тальмой, к примеру, удобно скрыть револьвер), и её рассмотрение не более продуктивно, чем выявление духов, которые они предпочитали. В самом деле, почему бы и нет? К примеру, Евстолия Рогозинникова, отправляясь на приём к начальнику Главного тюремного управления А.М. Максимовскому, сильно надушилась, чтобы заглушить запах динамита, в который она была «упакована». Если так дело пойдёт и дальше, вполне возможно появление статьи под названием, скажем, «Запах смерти».

«Культурологический» подход к изучению истории терроризма в России весьма перспективен, однако важно понимать, что позволяет нам уяснить суть дела, а что является антуражем. Бесспорно, железные дороги, этот важный элемент и символ модерности, оказались удобной мишенью для террористов, а публичное пространство, каковым являлись железнодорожные вокзалы и станции – весьма опасным местом для различных официальных лиц – объектов террористических атак. Однако что признание этих фактов может нам дать для понимания мотивов и последствий поступков террористов? Александр II был убит посредством ручного разрывного снаряда на набережной Екатерининского канала, а министр внутренних дел В.К. Плеве – таким же способом напротив Варшавского вокзала. Следует ли считать убийство последнего более «модерным»? Неужели Зинаида Конопляникова должна быть сочтена «модерным» политическим субъектом, поскольку застрелила генерала Мина на железнодорожной станции, а Евстолии Рогозинниковой и Анастасии Биценко следует в этом отказать, поскольку они убили соответственно А.М. Максимовского и генерала В.В. Сахарова, придя к ним на приём, т.е. используя «архаический» метод Веры Засулич?

Если мы говорим о техническом прогрессе как условии появления современного терроризма, нужно, на наш взгляд, вычленять специфические его стороны, имеющие к терроризму непосредственное отношение. Важнейшее значение имели прежде всего изобретение динамита и развитие способов передачи информации. Вообще в случае с «технологией» терроризма движение носит далеко не всегда

³⁷ *Verhoeven C.* Time of Terror, Terror of Time: On the Impatience of Russian Revolutionary Terrorism (early 1860s – early 1880s) // *Ibid.* P. 254–273.

³⁸ *Patyk L.* Dressed to Kill and Die: Russian Revolutionary Terrorism, Gender, and Dress // *Ibid.* P. 192–209.

линейный характер. К примеру, выйдя за рамки российской истории, отметим, что в Израиле палестинские террористы недавно начали применять «новый» способ террористических атак — с помощью ножей, поскольку вооружённым ножом гораздо сложнее выявить, нежели смертника, опоясанного взрывчаткой.

Повышенный интерес исследователей вызвало дело Веры Засулич. С одной стороны, он вполне оправдан, если учесть значение её выстрела для последующей истории терроризма, с другой — несколько неожидан в свете как будто неплохой проработки исследователями истории её покушения и последующего суда³⁹. Нельзя не принять во внимание и своеобразную «красоту», позволю себе сказать, даже «кинематографичность», дела Засулич. Отчасти этим, и, конечно, умением ярко и доступно изложить материал объясняется читательский успех «Ангела мести» — книги профессора канадского университета Квинс А. Сильджак. Адресованная «широкому кругу читателей», она вошла в число трёх финалистов (из 135 номинированных) престижного канадского конкурса на приз Чарлза Тейлора для работ в жанре нон-фикшн. Название книги Сильджак заимствовала у С.М. Степняка-Кравчинского. Несмотря на не слишком академический стиль, её исследование вполне можно отнести к научным: автор опирается преимущественно на опубликованные источники, однако привлекает и архивные материалы. Основное внимание уделяется годам формирования личности Засулич, среде, в которой она вращалась, иными словами, анализу того, что привело её к покушению. Подробно рассматривается суд над Засулич. Хотя Сильджак не рассматривает проблему генезиса терроризма в российском революционном движении, однако контекст книги недвусмысленно свидетельствует: она придерживается устоявшейся в историографии точки зрения о том, что покушение Засулич и в особенности её оправдание судом присяжных стало важнейшим моментом в этом процессе. Показательно, что глава, следующая за главой под названием «суд», озаглавлена «поворот к террору».

После выхода книги Верховен о Каракозове в литературе даже развернулась небольшая дискуссия о «праве первородства»: кто в большей степени заслуживает лавров родоначальника терроризма — Каракозов или Засулич? Верховен сравнивает покушение Засулич на Трепова с уже упоминавшимися покушениями на Линкольна и Бисмарка — во всех случаях террористы стремились устранить или покарать конкретного человека, а не ликвидировать систему. Засулич стремилась привлечь внимание к превышению власти и отомстить за поруганную честь, что никак нельзя считать «модерным» мотивом. Она явилась к Трепову в качестве просительницы, в то время как Каракозов на вопрос императора сразу после неудачного покушения о том, чего тот хотел, ответил: «Ничего, ничего», демонстрируя, что теперь императора ни о чём не будут просить⁴⁰.

Первый аргумент Верховен ещё можно обсуждать, хотя, на наш взгляд, для Засулич было важно покарать не лично Трепова, а чиновника, представителя системы. Заметим, что вопрос о выборе объектов покушений и в дальнейшем

³⁹ Правда, А. Сильджак, перечислив четыре биографические работы, посвящённые Вере Засулич, в том числе диссертацию Эвелин Мейнке в 1 440 страниц (*Meinke E. Vera Ivanovna Zaslulich: A Political Life. State University of New York at Binghamton, 1984*), замечает, что все они неполны и даже содержат ошибки, поскольку основываются в значительной степени на показаниях Засулич в ходе процесса и сведениях, которые привёл на суде её защитник П.А. Александров. Бессспорно, в речи Александра содержались явные передержки, а о многом он или не знал, или умолчал. См.: *Siljak A. Angel of Vengeance: The «Girl Assassin», the Governor of St. Petersburg, and Russia's Revolutionary World. N.Y., 2008. P. 317, note 5.*

⁴⁰ *Verhoeven C. The Odd Man Karakozov... P. 177–178.*

был для террористов дискуссионным. Во-вторых, как справедливо замечает Сюзан Моррисси, в то время понятия о чести существенно менялись, включая идеи о человеческом достоинстве, телесной неприкосновенности, суверенитете личности. Засулич действовала во имя «абстрактного принципа»; в её покушении не было «ничего личного», она ведь не знала высеченного по приказанию Трепова Боголюбова. Не есть ли всё это элементы «модерной политической субъективности», происхождение которой пытается отыскать Верховен⁴¹? Что же касается третьего аргумента, то его трудно принимать всерьёз: Засулич пришла к Трепову не для того, чтобы его просить о чём-то, а чтобы убить. Если считать признаком современного терроризма умение слиться с толпой, камуфлироваться, то в этом она явно превзошла Каракозова. Что же касается слов «ничего, ничего», которые, возможно, произнёс в ответ на вопрос императора Каракозов, то, боюсь, они дают чересчур мало материала для интерпретации. «Каракозов явно не годится на роль архетипического “террориста эпохи модерна”, — не без оснований пишет Могильнер. — Он не создавал и не интерпретировал некий новый политический канон... При всём желании Верховен утвердить архетипический статус Каракозова он ещё не был политическим субъектом массового общества, само понятие современной политики в его время лишь формировалось»⁴².

Небольшую монографию посвятил делу Веры Засулич Ричард Пайпс. Его тексту был полностью отдан специальный номер журнала «Russian History»⁴³. Пайпс указывает, что отличие его исследования от предшествующих, включая недавнюю книгу его бывшей аспирантки А. Сильджак, состоит в том, что он сосредоточивается, во-первых, преимущественно на истории процесса, во-вторых, скорее на психологии Засулич, нежели на её вкладе в российское революционное движение. Психологический портрет Засулич Пайпс рисует с большой симпатией, а её процесс считает в некоторых отношениях наиболее важным юридическим событием в истории императорской России, оказавшим серьёзное воздействие как на царский режим, так и на общественное мнение, в особенности на радикальную молодёжь. Утверждение столь же бесспорное, сколь не слишком оригинальное, как, честно говоря, и вся работа, в которой, правда, ясно и толково излагается ход процесса и события, ему предшествовавшие.

Среди вышедших в XXI в. исследований, посвящённых истории покушения Засулич, суда над ней, реакции на происшедшее различных страт российского общества, точностью и обстоятельностью выделяется обширная статья Ю.А. Пелевина «Казус Засулич»⁴⁴. Заключение автора о значении выстрела Засулич вполне традиционно, что не делает его менее верным: «Революционное народничество вступило в новую фазу: пропаганда сменялась терроризмом. Явственной гранью стал выстрел Засулич»⁴⁵. И, конечно, не менее важным поворотным пунктом стал исход её процесса.

«Если представить, что отдельные исторические события работают как пружины, ускоряющие ход истории, и являются катализаторами “современности”, то оправдание Веры Засулич, чудом не застрелившей петербургского

⁴¹ *Morrissey S.K.* Op. cit. P. 222.

⁴² *Могильнер М.* Рец. на: *Claudia Verhoeven...* С. 371.

⁴³ *Pipes R.* The Trial of Vera Z. // *Russian History.* Vol. 37. 2010. № 1. P. 1–82.

⁴⁴ *Пелевин Ю.А.* Казус Засулич // *Вопросы истории.* 2015. № 1. С. 60–78; № 2. С. 52–70; № 3. С. 69–77; № 4. С. 41–61.

⁴⁵ Там же. № 4. С. 50.

градоначальника Фёдора Трепова в 1878 году, безусловно, было такой пружиной»⁴⁶, — справедливо пишет Т. Борисова. В её статье рассматривается юридическая сторона процесса Засулич. Борисова пытается доказать, что «постановщиком» оправдания Засулич, а также автором понимания вердикта присяжных как победы общества был «молодой юрист, литератор и общественный деятель Анатолий Фёдорович Кони». Идея не блещет новизной, о решающей роли Кони в исходе процесса сразу же по его завершении писали консервативные публицисты, наиболее ярко — М.Н. Катков. Луиза Макрейнольдс, исследовавшая судебную практику в отношении убийств и покушений на убийство в пореформенной России, также полагает, что Кони проводил на процессе по делу Засулич свою «личную политику»⁴⁷. Новизна подхода Борисовой заключается в том, что она считает результат процесса «практическим итогом» студенческой работы Кони «О праве необходимой обороны»⁴⁸. Процесс Засулич, по мнению Борисовой — «яркий пример политического действия юридической науки»; она уверенно пишет о «режиссёрском замысле» Кони. Тем паче, что, по словам Борисовой, «мать Кони была актрисой, и поэтому театральные практики были ему хорошо знакомы»⁴⁹.

Теоретические построения Борисовой выглядят логичными, однако, на наш взгляд, это весьма показательный случай того, как подобные умозрительные «постройки» рушатся, не выдерживая «столкновения» с историческими реалиями. «Молодому юристу» Кони шёл 34-й год, это был вполне обычный возраст для юристов высокого ранга в пореформенной России. К примеру, именно в таком возрасте вступил в должность министра юстиции гр. К.И. Пален. Соответственно, в 1878 г., когда Пален столь опрометчиво передал рассмотрение дела Веры Засулич суду присяжных, ему было 45 лет. Сверстник Палена Э.В. Фриш стал обер-прокурором Уголовного кассационного департамента Сената в 37-летнем возрасте (а товарищем обер-прокурора — в 33 года). Список можно легко продолжить. Кони был вполне системным человеком (своей блестящей карьерой он до некоторой степени был обязан Палену); исход дела Веры Засулич, несомненно, оказал негативное влияние на его карьеру, но отнюдь не критическое: Кони и далее уверенно взбирался на российский юридический олимп. Три года спустя после этого процесса он стал председателем гражданского департамента Санкт-Петербургской судебной палаты; в 1885 г. — обер-прокурором уголовного кассационного департамента Сената, заняв высшую прокурорскую должность в стране.

Рассуждать о реализации председателем суда своих теоретических воззрений в области юриспруденции, обусловленных, в свою очередь, его политическими взглядами, как о решающем факторе, повлиявшем на исход процесса, можно лишь игнорируя реалии времени, настроения в обществе и некоторые особенности российской судебной системы. Если уж говорить о юридических аспектах процесса, то главными «заговорщиками» следовало бы признать министра юстиции графа Палена и прокурора санкт-петербургской судебной палаты А.А. Лопухина, представивших дело как уголовное, а не политическое. О том, какими непрочными

⁴⁶ Борисова Т. «Необходимая оборона общества»: язык суда над Засулич // Новое литературное обозрение. 2015. № 5. С. 102.

⁴⁷ *McReynolds L.* Murder Most Russian: True Crime and Punishment in Late Imperial Russia. Ithaca, 2013. P. 97; см. также: *McReynolds L.* Witnessing for the Defense: The Adversarial Court and Narratives of Criminal Behavior in Nineteenth-Century Russia // *Slavic Review*. Vol. 69. 2010. № 3. P. 622, note 12.

⁴⁸ О праве необходимой обороны: Рассуждение студента Анатолия Кони, написанное для получения степени кандидата по Юридическому факультету // Московские университетские известия. 1866. № 7. С. 193–294.

⁴⁹ Борисова Т. Указ. соч. С. 102–103, 111, прим. 11.

были позиции обвинения и насколько непопулярным в глазах общественности выглядел бы обвинитель на процессе, говорит, в числе прочего, отказ от этой роли двоих товарищей прокурора Санкт-Петербургского окружного суда — В.И. Жуковского и С.А. Андреевского. И дело было не только в их политических воззрениях: успех обвинению был вовсе не гарантирован⁵⁰.

Что же касается «театральных практик», то для знакомства с ними совсем не обязательно иметь мать-актрису, а самое главное — в театре актёры вполне понимают роль режиссёра и ведут себя в соответствии с его указаниями; в суде же (во всяком случае в российском пореформенном), как мы знаем, дело обстояло несколько иначе. Борисова цитирует кассационный протест обвинителя К.И. Кесселя, возмущавшегося поведением председателя суда, который должен был прекратить «беспорядок» (аплодисменты во время речи защитника) и «пригласить присяжных заседателей не обращать ни малейшего внимания на такое обстоятельство, которое не должно иметь никакого влияния на разрешение дела». «Таким образом, суд и судебная процедура были скомпрометированы не только театральностью, но и эффектом, который публичность оказывала на ход и результат дела», — заключает исследователь⁵¹. Несведущий читатель может заключить, что Кони и в самом деле потворствовал защите. Обратимся, однако, к стенограмме судебного заседания. В тот момент, когда в ходе речи Александрова в зале раздались аплодисменты, председатель заявил: «Поведение публики должно выражаться в уважении к суду. Суд не театр, одобрение или неодобрение здесь воспрещается. Если это повторится вновь, я вынужден буду очистить залу»⁵².

Полагаем, что причины оправдания Веры Засулич надо искать не только в настроениях общества, мастерстве Александрова и «потворстве» Кони, но и в некоторых особенностях российской судебной системы, правовой и общей культуры. В отличие от англосаксонской, континентальная судебная система (и российская в особенности), позволяла присяжным выносить оправдательный вердикт даже в случае признания вины обвиняемым и наличия её объективных доказательств. Они должны были руководствоваться своей совестью. По остроумному выражению одного иностранного наблюдателя, присяжные в России были больше человечны, нежели справедливы. Учитывая традиционное сострадание к «несчастливым», даже уличённые в преступлениях (особенно женщины) имели шансы на оправдание. В 1870-е гг. в России присяжные обычно оправдывали от 40 до 50% женщин, представших перед судом⁵³. По словам автора очерка о суде присяжных, увидевшего свет три года спустя после процесса по делу Засулич, «прежний суд, это был суд одного лишь голого факта преступления; новый суд — это суд совести, задающийся не столько исследованием самого события преступления, сколько установлением нравственных мотивов, его вызвавших»⁵⁴. Можно по-разному относиться к такому пониманию задач суда, но для нас важно, что его разделяла значительная часть современников, в том числе оказавшиеся 31 марта 1878 г. в совещательной комнате.

⁵⁰ См. письмо С.А. Андреевского А.А. Лопухину: *Pipes R. The Trial of Vera Z.* P. 46.

⁵¹ *Борисова Т.* Указ. соч. С. 111.

⁵² Цит. по: Суд присяжных в России: Громкие уголовные процессы 1864—1917 гг. / Сост. С.М. Казанцев. Л., 1991. С. 296.

⁵³ *Pipes R. The Trial of Vera Z.* P. 45—47; *Тимофеев Н.П.* Суд присяжных в России: Судебные очерки. М., 1881. С. 505.

⁵⁴ *Тимофеев Н.П.* Указ. соч. С. 505.

Возвратимся к вопросу о террористическом «первородстве». В отличие от К. Верховен Ю. Сафронова считает, что Каракозов «не состоялся как террорист», ибо смысл его акта не был понят обществом⁵⁵, которое, собственно, и является героем её книги «Русское общество в зеркале революционного террора». На наш взгляд, это одно из наиболее важных, если не самое важное исследование, посвящённое истории революционного терроризма, вышедшее за последние годы. Как отнеслось к терроризму общество — главный, наряду с властью, адресат «посланий» «Народной воли»? Что оно на самом деле собой представляло? Для Сафроновой террор «Народной воли» — своеобразная лакмусовая бумажка, «идеальное зеркало», позволяющее рассмотреть русское общество: «Широкий резонанс покушений на самодержавного монарха и высокая личная значимость происходящего для представителей общества будили эмоции и мысли, заставляли высказываться и действовать даже тех, кто обычно молчал; наконец, вели к размышлениям о том, что есть общество и какова его роль в происходящем. Под влиянием террористической борьбы менялось само русское общество, и процесс этот был необратим»⁵⁶.

Правда, при ближайшем рассмотрении оказывается, что в «зеркале» народо-вольческого террора «общество» рассмотреть не так-то просто: «Русское общество внезапно кажется иллюзией, грандиозным обманом и самообманом. Оно не приходит на помощь правительству, когда то взывает к нему, но и слухи о грандиозных пожертвованиях в кассу “Народной воли”, укрывательстве террористов, сотрудничестве с ними при ближайшем рассмотрении оказываются преувеличением». Однако автор не сдаётся и находит доказательство существования общества в местоимении «мы» (Сафронова пишет об ощущении «мы»), постоянно употреблявшемся в обращениях к власти, присутствовавшем «в разговорах, мыслях, поступках»⁵⁷. Остаётся гадать, как исследователь выявила присутствие этого ощущения в мыслях людей рубежа 1870—1880-х гг. Но то, что определить формальные признаки существования общества в интересующее нас время затруднительно, неоспоримо, как и то, что это неуловимое общество всё-таки было или во всяком случае находилось в стадии становления и осознания себя в качестве такового.

В существовании общества и в его влиянии не сомневались ни правительство, ни народо-вольцы, обращавшиеся к нему с призывами о поддержке. «Попытки ответить на эти призывы, равно как и попытки осмыслить происходящее, больше всего повлияли на само общество, — вполне справедливо пишет Сафронова. — Вместо уверенности в своей силе, воскресшей было с назначением М.Т. Лорис-Меликова, оно осознало собственную слабость: слабость не только перед лицом правительства, но и перед людьми, решившимися вмешаться в течение дел с помощью динамита. В то же время эти призывы заставили очень многих задуматься о своём статусе и открыть в себе не только чиновника, генерала, дворянина, родителя, но и члена общества»⁵⁸. Добавлю, что выводы Сафроновой, по мнению которой «в течение 1879—1881 годов русское общество познавало себя», перекликаются с утверждением современника, участника и историка событий В.Л. Бурцева: «Террористическая борьба идейно воспитывала русское общество»⁵⁹.

⁵⁵ Сафронова Ю. Русское общество в зеркале революционного террора. 1879—1881 годы. М., 2014. С. 23.

⁵⁶ Там же. С. 26.

⁵⁷ Там же. С. 343.

⁵⁸ Там же. С. 351.

⁵⁹ Цит. по: Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология. М., 2000. С. 354.

Думаю, было бы весьма полезным посмотреть на «отражение» русского общества «в зеркале революционного террора» начала XX в. и понять, что же с ним с тех пор произошло. Эта ключевая, на мой взгляд, тема ещё ждёт своего исследователя.

Важное значение для исследователей «Народной воли» имеют вышедшие под редакцией В.В. Разбегаева и сопровождающиеся его введением и предисловием Г.С. Кана материалы следствия и суда по делу о цареубийстве 1 марта 1881 г. Это самая полная и точная на настоящий момент публикация⁶⁰.

В начале XXI в. обобщающий труд по истории революционного народничества «Крестonosцы социализма», суммирующий его прежние работы, выпустил недавно ушедший от нас Николай Алексеевич Троицкий (1931–2014). Блистательный и страстный полемист, он ни на йоту не отступил от своих позиций 1960–1980-х гг. и писал в этой книге, почти дословно повторяя аргументы народовольцев: «красный террор» народников был «навязан им как ответ на “белый” террор царизма»⁶¹. Троицкий по-прежнему считал, что терроризм не был важнейшим средством борьбы «Народной воли», а историков, думающих иначе («царских, советских, посткоммунистических»), обвинял в том, что они «сочетают в своём отношении к народовольцам обывательское неведение и охранительное пристрастие»⁶². В 1990–2010-е гг. Троицкий продолжал работать над проблемами судебного преследования революционеров, воздействия политических процессов на русское общество и в особенности роли в них адвокатуры⁶³. Его последние статьи были посвящены судебным процессам над террористами начала XX в.⁶⁴.

Серию статей по истории революционного народничества опубликовал Ю.А. Пелевин (1948–2015)⁶⁵. Его работы, по-видимому, являются фрагментами

⁶⁰ Суд над цареубийцами. Т. I: Заседания Особого Присутствия Правительствующего Сената 26–29 марта 1881 года. Стенографический отчёт. Первое критическое издание; Т. II: Показания и прочие документы подсудимых. Показания свидетелей. СПб., 2014.

⁶¹ Троицкий Н.А. Крестonosцы социализма. Саратов, 2002. С. 307–308. Ср. слова С.Г. Ширяева на «процессе 16-ти»: «Красный террор Исполнительного комитета был лишь ответом на белый террор правительства» // Народная воля. 1880. № 4. С. 8.

⁶² Троицкий Н.А. Крестonosцы социализма. С. 307.

⁶³ Троицкий Н.А. Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000; Троицкий Н.А. Судьбы российских адвокатов: Биографические очерки и характеристики. Саратов, 2003; Троицкий Н.А. Корифеи российской адвокатуры. М., 2006.

⁶⁴ Троицкий Н.А. Дело Степана Балмашева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. Т. 13. 2013. Вып. 4. С. 16–21; Троицкий Н.А. Дело Егора Созонова // Клио. 2014. № 2. С. 50–54.

⁶⁵ Пелевин Ю.А. «Священная дружина» против народовольческой эмиграции // «Будущего нет и не может быть без наук...». М., 2005. С. 604–634; Пелевин Ю.А. Степан Халтурин, «Народная воля» и покушение на Александра II в Зимнем дворце // Новый исторический вестник. 2011. № 1(27). С. 73–89; Пелевин Ю.А. Александр Дмитриевич Михайлов // Вопросы истории. 2011. № 6. С. 43–69; Пелевин Ю.А. Красный сундук в доме Сухорукова // История в подробностях. 2012. № 12. С. 16–26; Пелевин Ю.А. Наблюдательный отряд // Там же. С. 28–33; Пелевин Ю.А. Первая протестная демонстрация в России // Вопросы истории. 2012. № 8. С. 14–29; Пелевин Ю.А. «Хождение в народ» 1874–1875 гг. // Там же. 2013. № 4. С. 64–97; № 5. С. 83–98; № 6. С. 38–50; Пелевин Ю.А. Николай Васильевич Клочников // Там же. 2013. № 11. С. 53–77; Пелевин Ю.А. Южные бунтары и «Чигиринский заговор» // Российская история. 2014. № 1. С. 130–150; Пелевин Ю.А. Идеальные основы «Земли и воли» в 1870-х гг. // Вопросы истории. 2014. № 3. С. 3–19; Пелевин Ю.А. Желябов и другие террористы: покушение под Александровском // Российская история. 2015. № 5. С. 78–99.

первой «большой» постсоветской истории народнического движения, которую автор, увы, не успел завершить⁶⁶.

Несколько работ посвящены неизменному спутнику терроризма — провокации, точнее провокаторам. Р. Пайпс выпустил биографию Сергея Дегаева⁶⁷. Это первая биография знаменитого провокатора в книжном формате, если не считать замечательного романа Ю. Давыдова «Глухая пора листопада» (1968—1970). Упомянуть художественное произведение в обзоре научной литературы, разумеется, не принято. Однако не напомнить о наличии блестящего художественного *исследования* дегаевщины было бы, на наш взгляд, тоже неправильно, тем более что художественные тексты Давыдова основывались, кроме опубликованных источников, на проработанных им архивных материалах. Автор этих строк собственными глазами видел подпись Давыдова в «листах использования» десятков архивных дел. Что же касается небольшой монографии Пайпса, то наиболее оригинальная её часть, на мой взгляд, относится к истории американского периода жизни Дегаева, когда он под именем Александра Пелла стал профессором математики в Университете Южной Дакоты. История превращения «Раскольников в Пнина»⁶⁸ написана увлекательно. Дабы не оскорблять набоковского героя: общим у вымышленного Тимофея Пнина и реального Александра Пелла был разве что сильный русский акцент.

Анна Гейфман издала биографию Азефа⁶⁹, содержащую некоторые любопытные сведения о «великом провокаторе». Но в целом автор этой работы следует принципу, заметному уже в её первой книге о терроризме в России: если источники противоречат концепции автора — тем хуже для источников. Ещё одна биография Азефа «на фоне» эсеровского терроризма принадлежит перу Л.Г. Прайсмана⁷⁰. На наш взгляд, ряд высказанных им предположений, вроде честолюбия как движущей силы террористической деятельности Азефа или же приписывания ему либеральных убеждений, в силу чего «Азеф часто расстраивал покушения на деятелей, которым он симпатизировал, считая их либеральными», не находят убедительного подтверждения в источниках⁷¹. Г.С. Кан создал, пожалуй, наиболее полный и психологически убедительный портрет эсера-максималиста С.Я. Рысса, то ли заигравшегося с полицией революционера, то ли провокатора, да ещё и философа вдобавок, автора брошюры «К философии лжи». «Историческое расследование» Кана основано на обширном архивном материале⁷².

Ценные сведения о деятельности секретной агентуры, истории и методах борьбы с революционным движением Департамента полиции содержатся в фундаментальной монографии З.И. Перегудовой «Политический сыск

⁶⁶ Ю.А. Пелевин работал над монографией под названием «Александр Михайлов и его эпоха», большая часть которой была подготовлена им к печати. Подробнее о Пелевине и его творчестве см.: Кан Г.С. Ю.А. Пелевин и его исследования // Российская история. 2016. № 4. С. 132—138.

⁶⁷ Pipes R. The Degaev Affair: Terror and Treason in Tsarist Russia. New Haven, 2003.

⁶⁸ Wood T. Raskolnikov into Pnin // London Review of Books. Vol. 25. № 23. P. 35—36.

⁶⁹ Geifman A. Entangled in Terror: The Azev Affair and the Russian Revolution. Wilmington, 2000.

⁷⁰ Прайсман Л.Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы. М., 2001. В качестве курьёза приведу фразу из аннотации к книге, подготовленной то ли автором, то ли издательством: «В книге подробно описаны противостояние правительства и террористов, сложные отношения между ними». В самом деле: куда уж сложнее!

⁷¹ Прайсман Л.Г. Террористы и революционеры... С. 74, 126.

⁷² Кан Г.С. Правда и ложь Семёна Рысса. Историческое расследование // Архив еврейской истории. Т. 7. М., 2012. С. 153—224.

России (1880–1917 гг.)»⁷³. Ею же подготовлено к печати научное издание мемуаров руководителей политического сыска России начала XX в. — А.П. Мартынова, П.П. Заварзина, А.В. Герасимова и А.Т. Васильева⁷⁴.

За полтора десятилетия появилось немало работ биографического жанра, посвящённых практикам и идеологам терроризма, принадлежащих как ветеранам историографии народничества, так и исследователям нового поколения⁷⁵. Филипп Помпер выпустил биографию Александра Ульянова под названием «Брат Ленина: Происхождение Октябрьской революции»⁷⁶, где поставил задачу рассказать историю как о терроризме, так и о застенчивом, старательном молодом человеке, поначалу увлечённом научной работой, а затем ставшем теоретиком террористического заговора и лидером террористической группы. Отличие книги Помпера от советских биографий брата Ленина, достаточно полно излагающих историю его недолгой жизни, заключается в том, что, во-первых, он исследует «психодинамику» небольшой группы студентов, включавшей и бесшабашных, не слишком интеллектуально развитых молодых людей, и увлечённого наукой Александра Ульянова. Все они пришли в конечном счёте к выводу, что должны пожертвовать жизнями во имя «большого дела». Во-вторых, Помпер доказывает, что к идее самопожертвования так же, как к оправданию принесения в жертву жизнью других людей, их привела «научная» теория.

Выделю работы, посвящённые гендерным аспектам истории терроризма, проще говоря, женщинам-террористкам. Биографию знаменитой народницы под названием «Непокорная жизнь Веры Фигнер: переживая русскую революцию» выпустила американская исследовательница Линн Хартнетт⁷⁷. Книга написана на основе широкого круга как опубликованных источников, так и привлечённых автором материалов российских архивов, а также архивов Гуверовского института и Института социальной истории в Амстердаме. На мой взгляд, стремление Хартнетт непременно «актуализировать» историю народовольческого террора не пошло на пользу её в целом толковой книге. Уже в предисловии она пишет, что в мире после 11 сентября 2001 г. насилие, в которое была вовлечена Вера Фигнер, видится в новой перспективе: «Вера Фигнер и другие народовольцы были радикальными фанатиками, чья непоколебимая преданность делу освобождения своей родины, как они это называли, делала для них кровопролитие и смерть несущественными. Следовательно, детальное исследование этой группы и её членов имеет стратегическое значение для современного мира, пытающегося понять и противостоять угрозе, исходящей от экстремистов»⁷⁸. Конечно, можно найти нечто общее у радикалов разных времён и народов. Боюсь,

⁷³ *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880–1917 гг.). М., 2000.

⁷⁴ «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. З.И. Перегудовой. В 2 т. М., 2004.

⁷⁵ *Твардовская В.А.* Николай Морозов: от революционера-террориста к учёному-эволюционисту // Отечественная история. 2003. № 2. С. 50–72; *Пантелеева Т.Л.* В.Л. Бурцев. Личная история, политическая и общественная деятельность в 1882–1907 годы. Уфа, 2008; *Пантелеева Т.Л.* В.Л. Бурцев и его книга «Борьба за свободную Россию» // *Бурцев В.Л.* Борьба за свободную Россию. СПб., 2012. С. V–XLVI; *Репников А.В., Милевский О.А.* Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011; *Пелевин Ю.А.* Александр Дмитриевич Михайлов; *Мелехин В.В.* Кубанский народовец Пахомий Иванович Андреюшкин // Вопросы истории. 2013. № 3. С. 130–144.

⁷⁶ *Pomper P.* Lenin's Brother: The Origins of the October Revolution. N.Y., 2010.

⁷⁷ *Hartnett L.A.* The Defiant Life of Vera Figner: Surviving the Russian Revolution. Bloomington, 2014.

⁷⁸ *Ibid.* P. XVI–XVII.

однако, что исторические обстоятельства деятельности, мотивы, психология народовольцев настолько отличаются от психологии и методов борьбы современных экстремистов, что поиски аналогий между ними являются не более, чем игрой ума. Не говоря уже о том, что разработка стратегии борьбы с современными экстремистами на основании изучения опыта «Народной воли», на мой взгляд, немногим полезнее, чем изучение с той же целью, скажем, истории Пунических войн.

Хартнетт пишет не только о народовольческом периоде деятельности Фигнер, но и о её жизни при советской власти. Она предпринимает «деконструкцию» знаменитых мемуаров и других текстов Фигнер о её революционном прошлом, стремится разглядеть реальную женщину за «революционной иконой». Автор сравнивает Фигнер с современными террористами: «Террористы, подобные Вере, тогда и теперь были готовы и часто жаждали пожертвовать своими жизнями, но не собственной значительностью». По мнению биографа Фигнер, «наиболее комфортно Вера чувствовала себя в роли революционной знаменитости»⁷⁹. И здесь налицо экстраполяция явлений и представлений, свойственных некоторой части человечества в начале XXI в., на мало сопоставимую с нашими днями эпоху.

В последнее десятилетие вышли две биографии максималистки Натальи Климовой. Одна из них принадлежит перу швейцарской исследовательницы Мод Мабийар⁸⁰, другая написана московским историком Г.С. Каном⁸¹. Оба автора, несомненно, симпатизируют своей героине (если не сказать — влюблены в неё). Вряд ли можно сомневаться, что красота «Наташи» («королева-девки», по выражению Германа Лопатина), проза Варлама Шаламова («Золотая медаль»), а главное, жизнь самой Климовой, полная резких поворотов, страстей и приключений (один побег из тюрьмы чего стоит), сыграли немалую роль в том, что о ней с интервалом в пять лет вышли две книги. Своеобразный «обратный» ответ на жизнь Климовой отбрасывает судьба её дочери — Н.И. Столяровой, заключённой ГУЛАГа, затем секретаря И.Г. Эренбурга и помощницы А.И. Солженицына. Обе книги в значительной степени основаны на свежих материалах, в том числе извлечённых из собраний родственников Климовой. Книга Кана снабжена обширными документальными приложениями, включающими, среди прочего, произведения и переписку Климовой. При всей симпатии к своей героине, автор замечает, что «практичность и здравый смысл никогда не были присущи» ей⁸². Я бы сказал, что это довольно мягкая формулировка: приведённые в книге Кана материалы свидетельствуют о крайней взбалмошности и не слишком большом уме Климовой. Оба исследования являются, на мой взгляд, важным вкладом в изучение психологии террористов, в особенности феномена активного участия женщин в российских террористических организациях начала XX в. Г.С. Кану принадлежит также основанная в значительной степени на архивных материалах детальная статья о Зинаиде Коноплянниковой⁸³.

⁷⁹ Ibid. P. 118–119, 101, 203.

⁸⁰ *Mabillard M.* La Fleur rouge. Natasha Klimova et les maximalistes russes. Lausanne, 2007.

⁸¹ *Кан Г.С.* Наталья Климова. Жизнь и борьба. СПб., 2012.

⁸² Там же. С. 129.

⁸³ *Кан Г.С.* Зинаида Коноплянникова и убийство генерала Г.А. Мина // Российская история. 2015. № 5. С. 99–117.

Салли Бонис в обширной статье «Дело Спиридоновой, 1906: террор, миф и мученичество»⁸⁴ рассматривает историю формирования «мифа Спиридоновой» в контексте революционной субкультуры. На примере мифа, сложившегося вокруг дела Спиридоновой, автор анализирует воздействие политического терроризма на тогдашнее общество, реакцию на терроризм его различных слоёв, как симпатизировавших террористам, так и относившихся к ним резко отрицательно. В отличие от «Нового времени», назвавшего Марию Спиридонову «больной душой», Бонис считает её «заблудшей душой», нашедшей себя в радикальной субкультуре и следовавшей принятому в этой среде «поведенческому коду». Впрочем, главный объект исследования Бонис — не столько сама «эсеровская Богородица», сколько российское общество, воздействие на которое «террористических актов и террористической этики», как убедительно показывает автор, было чрезвычайно сильным.

Если Мария Спиридонова была самой известной русской террористкой начала XX в., то имя Марии Фёдоровой, последней женщины, казнённой в дореволюционной России за политическое преступление, возвращено из небытия в статье О.Н. Квасова⁸⁵.

Существенный прогресс, и в этом, возможно, наиболее важное достижение историографии последних лет, достигнуто в изучении «местного террора» в начале XX в. Ряд работ, посвящённых этой проблематике, позволяет понять его масштабы, соотношение в нём политического и уголовного элементов, реакцию населения на террористические акты и экспроприации. Такие исследования, насыщенные информацией, хотя чаще всего довольно скупой, о рядовых бойцах «террористической армии», их происхождении, уровне образования, мотивах прихода к терроризму⁸⁶ — являются благодатным материалом для создания социально-психологического «портрета» российского террориста начала XX в. Разумеется, не следует забывать, что подобного рода «портрет», как и любой «идеальный тип», будет условен.

Настоящий текст — не подведение итогов, даже предварительное. Похоже, что период «бури и натиска» в изучении истории революционного терроризма в России ещё далёк от завершения.

⁸⁴ Boniece S.A. The Spiridonova Case, 1906: Terror, Myth, and Martyrdom // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 4. 2003. № 3. P. 571–606. См. также эту статью, с некоторыми изменениями, в кн.: *Just Assassins: The Culture of Terrorism in Russia* / Ed. by A. Anemone. Evanston, 2010. P. 127–151.

⁸⁵ Квасов О.Н. Мария Фёдоровая — террористка и жертва террора // *Новый исторический вестник*. 2011. № 1. С. 89–104.

⁸⁶ Квасов О.Н. Революционный терроризм в Центральном Черноземье в начале XX века (1901–1911 гг.). Воронеж, 2005; Квасов О.Н. Террористическая деятельность революционеров Центрального Черноземья, 1901–1911 годы // *Вопросы истории*. 2005. № 8. С. 93–103; Кузнецов В.Н. Революционный террор и акты экспроприации в Поволжье в начале XX в. // *Вопросы истории*. 2010. № 12. С. 24–38; Сидоренко Н.С. Политический экстремизм на Урале в начале XX века // *Исторический вестник*. 2012. № 2(149). С. 66–89; Салтык Г.А. «Местный террор» в России в 1905–1907 гг.: Люди и судьбы. По архивным материалам Курской губернии // *Вестник архивиста*. 2013. № 2(122). С. 148–162.